

**КОЛЧАННЫЕ КРЮКИ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ИЗ ПАМЯТНИКА ЯЛОМАН II (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ) ***

В работе подробно рассмотрены колчаные крюки из железа, обнаруженные на памятнике Яломан II в группе раскопанных курганов 2-й половины IV – 1-й половины V в. н. э. Авторами проведен сравнительный анализ этих изделий с известными археологическими материалами из разных регионов Евразии. Установлено, что у населения булан-кобинской культуры наибольшей популярностью пользовались крюки с поперечной планкой. Начальная дата фиксации их на территории Южной Сибири является принципиально важным моментом для разработки региональной археологической периодизации. Выяснено, что на Алтае такие крюки появились не ранее 2-й половины III в. н. э. и могут быть в целом датированы 2-й четвертью I тыс. н. э. Данные предметы имеют больше всего аналогий в комплексах IV–V вв. н. э., что отражает время их широкого применения. Выявлено значительное сходство крюков булан-кобинской культуры с экземплярами из Восточного Забайкалья позднесяньбийского времени и начала раннего Средневековья. Крюки с поперечной планкой являются одним из хронологических индикаторов поздней фазы бело-бомского этапа (II – 1-я половина IV в. н. э.) и заключительного периода существования булан-кобинской общности. Публикация находок компенсирует дефицит имеющихся в научном обороте источников по воинскому снаряжению и способствует дальнейшему типологическому изучению рассмотренной категории.

Ключевые слова: Алтай, булан-кобинская культура, сяньби, погребальные комплексы, колчаные крюки, поясная гарнитура, снаряжение, сравнительный анализ, морфологическое описание, датировка, аналогии, хронология.

Установление относительной и абсолютной хронологии археологических памятников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени (II в. до н. э. – V в. н. э.) – одна из актуальных задач современного этапа исследований. Важным и продуктивным подходом в данной сфере научной деятельности является системный анализ вещевых комплексов, который предполагает морфологию, классификацию, типологию и реконструкцию каждой категории изделий и их совокупности. В этом процессе необходимо выявление и корреляция хронологических индикаторов разного уровня. В отечественной археологии опыт таких изысканий на материалах II в. до н. э. – V в. н. э. наиболее обстоятельно реализован в сарматологии, а также при изучении памятников поздней

древности лесной зоны Западного Приуралья (см.: [Генинг, 1979; Останина, 1997; Малашев, 2000; Симоненко, 2004] и др.).

Распространенными находками погребального инвентаря булан-кобинской культуры выступают предметы поясной гарнитуры. К ним относятся изделия функционального (пряжки, крюки, распределители, наконечники, кольца, скобы) и декоративного (бляхи) назначения, фиксировавшиеся на основных и саадачных ремнях, а также на портупее. Такие детали становятся достаточно информативным источником для археологического датирования, разработки периодизации, проведения различного рода реконструкций. Отдельную категорию в обнаруженных гарнитурах представляют колчаные крюки, которые предназначались

* Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект № 2010-1.2.1-300-028-022).

для застегивания стрелковых поясов. В изучении этого элемента воинского снаряжения кочевников Алтая хуннуско-сяньбийско-жужанского времени имеется пока небольшой задел. Колчанные крюки из могильника Кок-Паш рассматривались В. Н. Елиным [1987; Васютин, Елин, 1987] и А. С. Васютиным [1987]. Такие же изделия из некрополя Булан-Кобы IV характеризовались Ю. Т. Мамадаковым [1990]. Следует указать, что к настоящему времени опубликована только часть находок крюков с территории Алтая, которые относятся к 1-й половине I тыс. н. э. Современный уровень накопления археологических материалов дает возможность приступить к полноценному классификационному и типологическому анализу колчаных крюков булан-кобинской культуры с привлечением более обширного корпуса аналогий из памятников разных регионов Евразии (Западная Сибирь, Центральная и Средняя Азия, Приуралье, Восточная Европа и пр.).

Цель настоящей статьи – сравнительный анализ железных колчаных крюков из поздней хронологической группы курганов могильника Яломан II, результаты которого позволят частично компенсировать дефицит имеющихся в научном обороте источников по воинскому снаряжению населения булан-кобинской культуры

Археологический комплекс Яломан II находится вблизи устья р. Большой Яломан, на четвертой надпойменной террасе левого берега Катуня, в Онгудайском районе Республики Алтай. Он изучался экспедицией АлтГУ под руководством одного из авторов статьи в 2001–2003, 2005, 2007–2008 гг. В центральной части памятника раскопано шесть курганов верх-уймонского этапа (2-я половина IV – 1-я половина V в. н. э.) булан-кобинской культуры, в которых похоронены представители «элитной» группы населения рассматриваемой общности. Коллекция найденных крюков состоит из четырех экземпляров.

Прежде чем перейти к характеристике данных предметов, необходимо сделать несколько замечаний относительно их морфологии. Колчаный крюк – это металлическая застежка, имеющая основание, язычок и щиток. Основание – главная часть корпуса в виде стержня или пластины. Язычок – резко загнутый конец стержня или пластины, предназначенный для фиксации свободного конца ремня либо для крепления крюка к

корпусу колчана. Язычок может быть простым или зооморфным, а также с поперечной планкой на окончании. Щиток – место соединения крюка с неподвижным концом ремня, четко выделенное либо плавно переходящее в основание. Конструктивно щитки разнообразны (сомкнутая петля, ориентированная просветом на лицевую сторону крюка; несомкнутая петля, загнутая на лицевую или тыльную сторону основания; пластина с прорезью; монолитная пластина, фиксирующаяся с помощью шпеньков).

Публикуемые изделия (рис. 1) из памятника Яломан II в настоящее время хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (коллекция № 181). Они происходят из следующих объектов.

Колчаный крюк из кургана № 29 имеет основание в виде прогнутого стержня четырехугольного сечения (рис. 1, 1). Окончание язычка снабжено поперечной планкой V-образной формы длиной 3,4 см. Щиток с остатками кожного ремешка, сложенного вдвое, представляет собой сомкнутую петлю, которая ориентирована просветом на лицевую сторону. Щиток (в плане овальный, размерами 4 × 1,5 см) расположен относительно основания перпендикулярно. Общая длина крюка составляет 7,8 см. Сохранность изделия удовлетворительная.

Крюк из кургана № 30 с основанием в виде слегка прогнутого стержня четырехугольного сечения (рис. 1, 2). Язычок имеет прямую поперечную планку на окончании. Длина планки 2,7 см. Щиток представляет собой сомкнутую, но полностью нескованную петлю (размерами 3,4 × 2 см) вытянуто-четырёхугольной формы, расположенную относительно основания перпендикулярно. Просвет петли ориентирован на лицевую сторону стержня. Общая длина изделия составляет 8,3 см. Сохранность предмета удовлетворительная.

Основание крюка из кургана № 31 представляет собой слегка прогнутый стержень с четырехугольным сечением (рис. 1, 3). На окончании язычка расположена прямая поперечная планка длиной 3,2 см. Щиток оформлен в виде овально-четырёхугольной пластины шириной 1,9 см, плавно переходящей в стержень и фиксирующейся на неподвижном конце ремня с помощью вставного шпенька с широкой шляпкой. Общая длина крюка 8,6 см, сохранность предмета удовлетворительная.

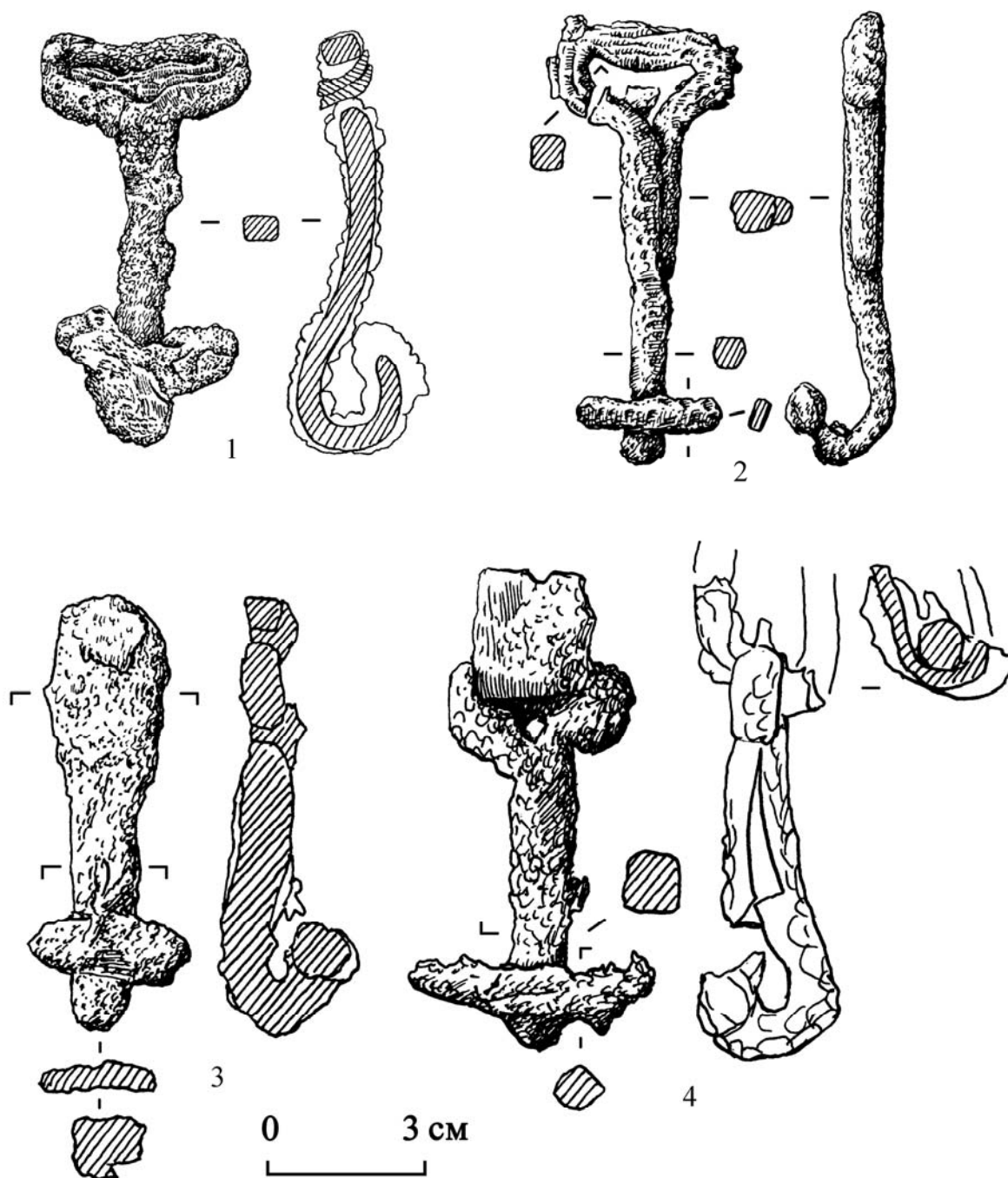

Рис. 1. Колчанные крюки из памятника Яломан II: 1 – курган № 29; 2 – курган № 30; 3 – курган № 31; 4 – курган № 32 (1 – железо с остатками кожи; 2–4 – железо)

Крюк из кургана № 32 имеет слегка прогнутое основание-стержень квадратного сечения (рис. 1, 4). Окончание язычка с прямой поперечной планкой длиной 4,6 см. Щиток представляет собой сомкнутую петлю, ориентированную просветом на лицевую сторону стержня, в которую пропущена

подвижная лопасть-полуобойма, присоединявшаяся к ремню вставными шпеньками. Щиток-петля (прямоугольной формы, размерами 3,4 × 1,7 см) расположен относительно стержня перпендикулярно. Абрис лопасти-полуобоймы демонстрирует прямоугольник размерами 2,5 × 2,3 см. В длину

крюк достигает 7,3 см. Сохранность предмета относительно удовлетворительная.

Особенности конструкции и формы щитков, а также оформления язычков дают основания рассматривать описанные выше крюки в качестве отдельных типов. Зафиксированные ситуации расположения крюков *in situ* в курганах Яломана II показывают, что они применялись для застегивания стрелковых поясов и найдены рядом с колчанами. Из-за плохой сохранности кожаных деталей сложно сказать, каким конкретным способом осуществлялось соединение крюка, ремня и колчана. Кроме того, в захоронениях колчаны могли помещаться с растегнутым стрелковым поясом. Однако во всех приведенных случаях крюки располагались отдельно от основного пояса с пряжкой.

Материалы могильника Яломан II отражают тенденцию использования в воинском снаряжении носителей булан-кобинской культуры крюков с поперечной планкой на язычке. Данный признак присутствует у 21 из 34 известных нам экземпляров из памятников Алтая II–V вв. н. э. Функциональное назначение планки заключалось в более надежной фиксации свободного конца ремня в виде широкой прорези или петли. Таковую же роль планка выполняла и в случае, когда крюк крепился к металлической скобе [Ковычев, 1983. С. 117. Рис. 1, 5, 11–12]. Особенностью крюков с указанным оформлением язычка является сравнительно большая длина основания, которое к тому же почти всегда прогнуто.

Начальная дата появления крюков с поперечной планкой на территории Южной Сибири является принципиально важным моментом для создания региональной археологической периодизации. Сложность ее определения вызывает «плавающая» датировка комплексов, где найдены данные предметы, а также, к большому сожалению, фрагментарная публикация материалов некоторых памятников, очень перспективных для решения этого вопроса. Неудивительно, что в ряде случаев такие крюки сами приобретают значение хронологического индикатора.

Имеющиеся к настоящему моменту археологические источники подтверждают вывод, что описанная модификация крюков отсутствует в памятниках I–II вв. н. э. [Елин, Васютин, 1984. С. 36; Васютин,

Елин, 1987; Елин, 1987; Николаев, 2000. С. 78–82]. За пределами Алтае-Саянской горной страны основная масса случаев обнаружения крюков с поперечной планкой связана с материалами IV–V вв. н. э. Они представлены в погребениях носителей бурхотуйской и дарасунской культур Восточного Забайкалья (V–VI вв.)¹, поздних сяньби на территории северного Китая (начало IV в.), «кенкольцев» Тянь-Шаня (IV–V вв.), джетыясарского населения Восточного Приаралья (IV в.), кочевников Приуралья и Северного Причерноморья гуннского времени (конец IV – V в.), племен Новосибирского Приобья (2-я половина V – начало VI в.) [Асеев и др., 1984. С. 170. Табл. VI, 8; табл. XVIII, 1–3, 6; табл. XX, 10; табл. XXIII, 2; Худяков, 1991. Рис. 30, 1–3, 5–7, 9; Кириллов и др., 2000. Рис. 75, 5; 76, 2; 80, 10; Кожомбердиев, Худяков, 1987. Рис. 2, 10–11; Троицкая, Новиков, 1998. Рис. 23, 9; Левина, 1994. Рис. 139, 37; Засецкая, 1994. Табл. 5, 12; табл. 37, 21; табл. 46, 19; Боталов и др., 2006. С. 112. Рис. 37, 6; Yu Junyu, 1997. Fig. 9, 3]. Однако крюки с таким оформлением язычка появляются раньше. Этот факт документируется данными по закрытым комплексам Восточного Забайкалья, Тывы, предгорий Кузнецкого Алатау и непосредственно Алтая, датировка которых сейчас может быть аргументирована в интервале не древнее III в. и не моложе I-й половины IV в. н. э.

Полноценное рассмотрение материалов Восточного Забайкалья практически сведено на нет выборочной публикацией захоронений бурхотуйской культуры, начальная дата которой уже несколько десятилетий определяется в пределах IV или V в. н. э. без каких-либо указаний на более узкий хронологический интервал. Для нас в данном случае важно то, что колчаные крюки с планкой обнаружены в сяньбийских погребениях дуройского типа Приаргунья (могильники Большая Канга I, Дурой I) [Ковычев, 2006. Рис. 6, III-4; Зюзин, 2008. С. 168]. В хронологическом отношении они занимают про-

¹ При современном состоянии публикации археологических материалов трудно сказать, каким был заключительный этап применения крюков с поперечной планкой в воинском снаряжении кочевников Восточного Забайкалья. Бурхотуйская культура, как известно, датируется в пределах широкого хронологического отрезка (вплоть до IX в. н. э.).

межуточное положение между зоргольской (II – начало III в. н. э.) и бурхотуйской группами памятников и датируются, скорее всего, не ранее середины III в. н. э. [Яремчук, 2003. С. 73–75; 2005; Ковычев, 2006. С. 255, 257]. Погребения «дуройцев» позднесяньбийского круга отражают процесс формирования элементов вещевого комплекса и погребального обряда бурхотуйской общности на рубеже III–IV вв. н. э.

В опубликованных материалах кокэльской культуры Тывы крюки с планкой представлены двумя экземплярами из кургана-кладбища Кокэль-26 [Вайнштейн, 1970. Рис. 60, 2; 73, 8]. Крюк из Бай-Тайги [Грач, 1966. Рис. 30, 1] датируется по сопутствующим вещам (прежде всего железным пластинам от доспеха) не ранее 2-й половины IV в. н. э. Время существования некрополя Кокэль до сих пор вызывает дискуссии. По мнению Д. Г. Савинова, начальная датировка этого комплекса приходится на конец II – начало III в. н. э. и соотносится с периодом господства в Центральной Азии сяньби [1992; 2003; Длужневская, Савинов, 2007. С. 74]. Н. Н. Николаев определяет нижний хронологический рубеж функционирования данного некрополя временем крушения военно-политического могущества сяньби, а сам памятник датирует не ранее конца III в. н. э. [2001. С. 24–25]. Принимая во внимание относительно «короткую» хронологию Кокэля, можно допустить, что большая часть погребений памятника попадает в отрезок времени от середины III до середины IV в. н. э. К сожалению, крюки происходят из погребений (№ 31, 38), сопроводительный инвентарь которых датируется в широких рамках. Экземпляр из погребения № 38 найден вместе с гривной из витой пластины (типологически более ранней, чем крученые гривны из нескольких сплетенных вместе проволок), аналогии которой представлены в таштыкском склепе № 2 Изыкского чаатаса IV–V вв. н. э. [Вадецкая, 1999. Табл. 91]. Не исключено, что в Тыве эти украшения появились несколько раньше, чем на Среднем Енисее.

Экземпляр крюка с поперечной планкой имеется в фоминской культуре. Обнаружен в Усть-Абинском могильнике в предгорьях Кузнецкого Алатау [Ширин, 2003. С. 65. Табл. LXX, 11]. Археологический возраст этого памятника определяется не ранее 2-й половины III в. н. э. на основании хорошо

датирующихся вещевых комплексов, в том числе с привлечением позднесарматских и прикамских аналогий. Крюки этой конструкции демонстрируют контакты населения подтаежной зоны юга Западной Сибири с кочевыми племенами на волне «великого переселения народов». С какой территории найденное изделие попало в предгорья Кузнецкого Алатау, сказать сложно, однако, учитывая параллели в вещевых наборах с материалами булан-кобинской и кокэльской культур, предпочтительно рассматривать направление связей с Алтаем и Тывой. В ареале фоминской культуры начало распространения крюков с планкой могло запаздывать до последней четверти III в. н. э.

На территории Алтая крюки с поперечной планкой впервые появляются на белобомском этапе (II – 1-я половина IV в. н. э.) булан-кобинской культуры. Изучение результатов раскопок базового памятника Булан-Кобы IV показывает, что погребения с колчанными крюками и расположенные по соседству с ними захоронения содержат ряд категорий сопроводительного инвентаря (ножны с железными витыми цепочками, удила с малокрючковыми окончаниями звеньев и кольчатыми псалями, пряжки с неподвижным шпеньками и длинными щитками, поясные бляхи-скобы), временная атрибуция которых соответствует концу III – 1-й половине IV в. н. э. Важно обратить внимание, что по облику предметного комплекса данный некрополь ближе к памятникам верх-уймонского этапа. Аналогичные наблюдения сделаны и в отношении курганной группы Степушка I, в которой встречены подобные крюки (неопубликованные пока материалы аварийных раскопок экспедиции АлтГУ в 2010 г. в окрестностях одноименного села Онгудайского района Республики Алтай).

Ранний период применения крюков с планкой в воинском снаряжении на Алтае демонстрирует, по-видимому, курган № 227 могильника Балыктыюль, в котором зафиксировано сочетание разных поколений вещей [Сорокин, 1977. Рис. 5, 6]. Время появления этого опорного для датировки комплекса может быть определено не ранее 2-й половины III в. н. э. прежде всего с учетом аналогий по поясным гарнитурам (пряжки Т-образной формы со щитками, распределители). Омоложение его возраста до V в. н. э., основанное на синхронизации с

заведомо более поздними материалами [Васютин, 2000. С. 204–205; Бобров и др., 2003], на наш взгляд, является не оправданным, не учитывая особенностей развития булан-кобинской культуры. Сопроводительный инвентарь других памятников бело-бомского этапа, содержащих крюки с поперечной планкой (Кам-Тытугом, Кызыл), не отражает узких датировок в интервале III–IV вв. н. э.

Приведенные выкладки дают основание считать, что период использования колчаных крюков с поперечной планкой в воинском снаряжении «булан-кобинцев» приходится на 2-ю четверть I тыс. н. э. Верхняя хронологическая граница бытования таких изделий на Алтае устанавливается достаточно уверенно в пределах 2-й половины V – 1-й половины VI в. н. э. по их присутствию в оградках кызыл-ташского этапа тюркской культуры. В последующее время они не встречаются.

Изобретение крюков с таким оформлением язычка пока трудно связать с какой-то конкретной этнокультурной средой, хотя предпочтение можно отдать племенам позднесаяньбийского конгломерата. При этом выделяются два региона, где такие застежки имели наибольшую популярность. Одним из них является Алтай, другим – Восточное Забайкалье. В остальных упомянутых регионах рассматриваемые крюки встречаются редко. Из Центральной Азии они распространились в Семиречье и на Нижнюю Сырдарью (IV в. н. э.), а оттуда в конце IV в. вместе с гуннами попали в степи Приуралья и Восточную Европу.

Сравнительное изучение крюков яломанской коллекции на уровне других признаков (конструкция, форма планок и щитков) дало следующие результаты.

Крюк с V-образно согнутой планкой и щитком в виде сомкнутой петли овальной формы из кургана № 29 Яломана II аналогичен находке из булан-кобинского захоронения в гроте Кам-Тытугом (рис. 2, 1). Экземпляры с похожим оформлением окончания язычка, но с разной формой петельчатых щитков имеются в комплексах не древнее IV в. н. э. из бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья, кенкольской культуры Тянь-Шаня, джетыясарской культуры Восточного Приаралья [Кожомбердиев, Худяков, 1987. Рис. 2, 10; Худяков, 1991. Рис. 30, 5; Левина, 1994. Рис. 139, 37]. На террито-

рии Алтая крюки с такими характеристиками появляются, видимо, с IV в. н. э.

Крюк из кургана № 32 Яломана II с прямой планкой и щитком в виде сомкнутой прямоугольной петли, в которую вставлена подвижная лопасть-полуобойма, крепящаяся к ремню вставными шпеньками, можно сравнить с экземплярами с прямоугольным щитком, но без лопасти, обнаруженными на Алтае в могильнике Кок-Паш (рис. 2, 2–3). В предгорьях Кузнецкого Алатау обломок такого крюка найден в Усть-Абинском могильнике фоминской культуры, где он датируется не ранее 2-й половины III в. н. э., вероятно, ближе к концу столетия [Ширин, 2003. Табл. LXX, 11]. Предварительно этот крюк можно также сопоставить с бронзовым крюком булан-кобинской культуры из Балыктыюля (рис. 2, 4). В опубликованных археологических источниках по другим регионам аналогии отсутствуют. Период использования таких крюков «булан-кобинцами» соответствует 2-й четверти I тыс. н. э.

Самой распространенной разновидностью являлись крюки с прямой планкой и щитком в виде сомкнутой петли овальной формы, подобные находке из кургана № 30 памятника Яломан II. Похожие крюки происходят из других некрополей булан-кобинской культуры (Булан-Кобы IV, Дялян, Кок-Паш, Верх-Уймон). Кроме того, они известны в раннетюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. комплекса Кудэргэ (рис. 2, 5). Аналогии данным экземплярам самые многочисленные. Они встречены в кокэльском ритуальном комплексе из Бай-Тайги в Туве (не ранее 2-й половины IV в. н. э.), в дуройских (Большая Канга I) и бурхотуйских погребениях Восточного Забайкалья (преимущественно IV–VI вв. н. э.), в катакомбах кенкольской культуры Тянь-Шаня (не ранее IV в. н. э.), в курганном погребении раннего этапа (2-я половина V – VI в. н. э.) верхнеобской культуры Крохалевка-23, в памятниках гуннского времени (конец IV – V в. н. э.) Приуралья (Кызыл-Адыр, курган с «усами» Султантмировский I) и Северного Причерноморья (Новогригорьевка, Кубей) [Грач, 1966. Рис. 30, 1; Асеев и др., 1984. Табл. XVIII, 2; табл. XXIII, 2; Кожомбердиев, Худяков, 1987. Рис. 2, 11; Худяков, 1991. Рис. 30, 1; Засецкая, 1994. Табл. 5, 12; табл. 37, 21; табл. 46, 19; Троицкая, Новиков, 1998.

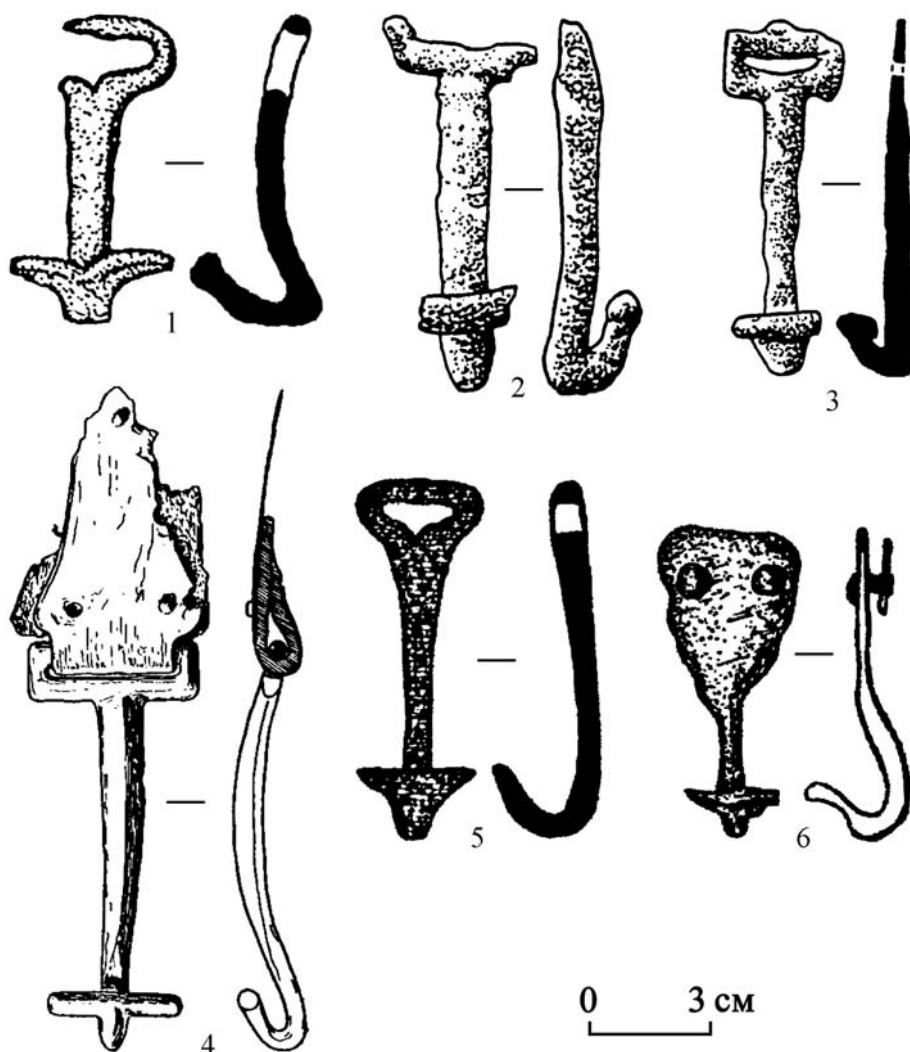

Рис. 2. Крюки с поперечной планкой: 1 – погребение в гроте Кам-Тыгугем (по: [Худякови др., 1998]); 2–3 – Кок-Паш, курганы № 29, 49 (по: [Бобров и др., 2003]); 4 – Балыктыюль, курган № 227 (по: [Сорокин, 1977]); 5–6 – Кудыргэ, оградка (по: [Илюшин, 2000]) (1–3, 5–6 – железо; 4 – бронза)

Рис. 23, 9; Кириллов и др., 2000. Рис. 80, 10; Ковычев, 2006. Рис. 6, 4; Боталов и др., 2006. Рис. 37, 6]. На Алтае такие крюки датируются 2-й половиной III – началом VI в. н. э. Широкое применение в воинском снаряжении они получили, видимо, на рубеже III–IV вв. н. э.

Крюк с прямой планкой и щитком в виде пластины, фиксирующейся к ремню с помощью вставного шпенька, из кургана № 31 Яломана II имеет аналогии в позднесяньбийских материалах могильника Дурой I Восточного Забайкалья (не ранее середины III в. н. э.), а также в погребении династии Ранняя Янь (начало IV в. н. э.) из Чаояна в Северном Китае [Yu Junyu, 1997. Fig. 7, 3;

Зюзин, 2008. С. 168]. Похожий, но не идентичный по форме щитка экземпляр обнаружен в тюркской оградке 2-й половины V – 1-й половины VI в. из Кудыргэ (рис. 2, 6). Наиболее вероятное время бытования таких крюков у булан-кобинского населения – IV–V вв. н. э.

В завершение проведенного сравнительного изучения колчаных крюков из могильника Яломан II можно сделать следующие выводы. Наибольшей популярностью у населения булан-кобинской культуры пользовались крюки с поперечной планкой, генетически не связанные с традициями скифо-сакского, хуннского и раннесяньбийского времени. Период бытования таких

крюков на Алтае приходится на 2-ю четверть I тыс. н. э. Больше всего аналогий им происходит из памятников IV–V вв. н. э., что отражает время их максимально активного использования. Типологически значимые различия между «ранними» (2-я половина III – 1-я половина IV в. н. э.) и «поздними» (2-я половина IV – начало VI в. н. э.) экземплярами пока выявить сложно. Происхождение крюков с таким оформлением язычка трудно связать с какой-то конкретной этнокультурной средой. Актуальным является вопрос о возможности появления крюков с поперечной планкой на территории Алтая в рамках влияния материальной культуры позднесяньбийского конгломерата племен на волне «великого переселения народов». В этой связи следует отметить значительное сходство колчаных крюков с поперечной планкой на Алтае и в Восточном Забайкалье, что могло быть связано с ориентацией населения этих регионов на одинаковые исходные прототипы воинского снаряжения. Крюки с поперечной планкой следует рассматривать в качестве одного из хронологических индикаторов поздней фазы бело-бомского этапа (II – 1-я половина IV в. н. э.) и заключительного периода существования булан-кобинской культуры.

Список литературы

- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В.* Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1984. 200 с.
- Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А.* Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 223 с.
- Боталов С. Г., Таиров А. Д., Любчанский И. Э.* Курганы с «кусами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006. 232 с.
- Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
- Вайнштейн С. И.* Раскопки могильника Кокэль в 1962 году // ТТКАЭЭ. Л., 1970. Т. 3: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. С. 7–79.
- Васютин А. С.* О культурно-хронологических соотношениях предтюркских памятников хуннского типа в Горном Алтае // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 135–137.
- Васютин А. С.* Хронология Берели и верхние даты предкудыргинских памятников Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. 11. С. 203–206.
- Васютин А. С., Елин В. Н.* О хронологических границах кок-пашского археологического комплекса из Восточного Алтая // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987. С. 85–90.
- Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. М., 1979. Вып. 158. С. 96–106.
- Грач А. Д.* Исследование в Бай-Тайге // ТТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. 2: Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. С. 81–107.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: Элексис Принт, 2007. 197 с.
- Елин В. Н.* Восточный Алтай в предтюркское время (хронология и культурная принадлежность памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1987. 19 с.
- Елин В. Н., Васютин А. С.* Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Советско-венгерский сборник. Кемерово, 1984. С. 35–39.
- Засецкая И. П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в. н. э.). СПб.: Эллипс Лтд, 1994. 224 с.
- Зюзин А. В.* Предметы вооружения из сяньбийского могильника Дурой I в Восточном Забайкалье // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций. Барнаул, 2008. С. 168–169.
- Илюшин А. М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 157–169.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И.* Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.
- Ковычев Е. В.* Могильник железного века у станции Дарасун // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск, 1983. С. 112–123.
- Ковычев Е. В.* Некоторые вопросы этнической и культурной истории Восточного Забайкалья в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Изв. лаборатории древних технологий. Иркутск, 2006. Вып. 4. С. 242–258.
- Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С.* Комплекс вооружения кенкольского воина //

Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.

Левина Л. М. Могильники Алтынасар-4 // Низовья Сырдарьи в древности. М., 1994. Вып. 4: Джетысарская культура. Ч. 3–4: Могильники Алтынасар. 312 с.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 194–232.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Николаев Н. Н. Поясные наборы могильника Кокэль // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 70–85.

Николаев Н. Н. Культура населения Тувы 1-й половины I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001. 26 с.

Останина Т. И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск, 1997. 326 с.

Савинов Д. Г. Некоторые аспекты реконструкции материалов могильника Кокэль // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 1. С. 107–109.

Савинов Д. Г. Проблема хронологии Кокэля в историческом аспекте // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5: На перекрестке эпох и традиций. С. 49–59.

Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 134–173.

Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 190 с.

Худяков Ю. С., Эбель А. В., Кочеев В. А. Лук и стрелы из погребения на реке Кам-Тытугом в Горном Алтае // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998. С. 279–288.

Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

Яремчук О. А. Особенности погребального обряда населения Восточного Забайкалья в хунно-сяньбийскую эпоху // Забайкалье в геополитике России. Улан-Удэ, 2003. С. 72–75.

Яремчук О. А. Могильник Зоргол I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 24 с.

Yu Junyu Relics of the Former Yan Unearthed at Sanhecheng, Chaoyang // Wenwu. 1997. No. 11. P. 42–48.

Материал поступил в редколлегию 30.09.2011

A. A. Tishkin, S. S. Matrenin

QUIVERS HOOKS OF BULAN-KOBY CULTURE FROM BURIAL GROUND YALOMAN II (THE CENTRAL ALTAI)

This article is revealed to systematic presentation the results of the research by quivers hooks from ironwork second half of IV BC – first half of V AD of the Bulan-Koby nomads from burial ground of Yaloman II. The authors have demonstrated a comparative analysis of these artefacts with the previously known archaeological materials from different regions of Eurasia. It was discovered that hooks to the crossbar among the population of Bulan-Koby culture were widely distributed. The crucial aspect of devising a regional archaeological periodization is the defining of the initial date of fixing them on the territory of Southern Siberia. The research already established the age of these hooks which did not appear until the second half of the III BC and can be generally dated to the second quarter of the I Millennium BC in the Altai region. These subjects have most suitable analogies in the objects IV–V centuries BC, which reflect the time of their most active application. Typological analysis of these artefacts is allowed to define significant similarity between the hooks of this modification with the specimens from Eastern Transbaikalian region of late Xianbi time and the early Middle Ages. Fundamental chronological indicators of latest phase of Belo-Bom's stage (II – the first half of IV century BC) and the final period of subsistence of Bulan-Koby community. So the publication of these findings compensates for lack of available scientific sources on the back of military equipment and contributes to the typological study of the considered category.

Keywords: Altai, the Bulan-Koby culture, Xianbi, burial complexes, quivers hooks, tips belts, equipment, tips straps, gear, belt headset, morphology, dating, analogy, chronology, typology.